

ции социального исключения позволит несколько по иному взглянуть на проблему. На наш взгляд, применив социологический подход, используя концепцию социального исключения, мы сможем уйти от статичного понятия бедности и обратить внимание на взаимодействие между индивидом и обществом, проанализировать возможности активного участия сообществ в реализации социальной политики на местах.

Библиографический список

1. *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
2. Официальный сайт Департамента социального исключения Великобритании <http://www.socialexclusionunit.gov.uk/>
3. *Тихонова Н.Е.* Социальная эксклюзия в российском обществе // Обществ. науки и современность. 2002. № 4.
4. *Giddens. A.* The Third Way. The Renewal of Social Democracy // Polity Press. 1998.

Н.В.Веселкова

ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕМУ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

«Мы, европейцы, всегда тяготели к будущему и верили, что там лежит главное пространство времени, которое для нас начиналось с того, что “будет”, а не с того, что “было”».

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс

Человека влечет овладение временем. Для европейцев время – это прежде всего отношения с будущим. Пожалуй, прошлое может составить серьезную конкуренцию, и даже не только в молодых обществах, которые усиленно наращивают мышцы недостающих традиций [6]. К концу XX в. старушка Европа ощутила натиск «тирании памяти» [14; 16]; мощный импульс осмысление механизмов взаимодействия с прошлым получило в связи с 60-летием окончания II мировой войны [10]. Конечно, всякий модус – прошлое, настоящее, будущее – существует только в связке с другими, образуя «сплошность» [5]. И мы будем по мере необходимости апеллировать к другим модусам времени, но сфокусируем свой анализ на будущем. Попытаемся рассмотреть его в деталях, взвесить различные объяснения того, что же происходит сегодня с нашим отношением к будущему. История знает два принципиально разных типа овладения будущим. Назовем их условно «мистика предсказания» и «рация предвидения».

«*Мистика предсказания*». Внешний мир и будущее как его часть (когда природная, когда социальная) более сильны, чем человек. Поэтому человек пытается договориться, играть с ними в их игры – по идущим извне правилам. Активностью обладает время. А человек, соблюдая правила игры, может только заглянуть в него (гадания и предсказания). Эти богато обстав-

ленные ритуальные практики – хождение по границе миров, по грани дозволенного, поэтому легко оступиться – подобные практики очень опасны. «Специалист» и даже просто замеченный в отдельных действиях легко может оказаться в социальной группе отверженных – ведьм, колдуний. За счет непрекаемого превосходства будущего как части внешнего мира сохраняется неопределенность времени данного модуса.

«Рацио предвидения». Человек сильнее внешних сил – и природных, и социальных; по крайней мере, таковым он себя считает. Поэтому он не заигрывает со временем, а уверенно и последовательно его колонизирует. Магию предсказания вытесняют рациональные практики научного предвидения, которые постепенно становятся рутинными, подобно тому, как чудесный ковер-самолет стал банальным «перевозчиком» на авиалиниях. У второго типа отношения имеются два важных следствия. *Во-первых*, будущее оказывается уже прожитым [4]. Оно не пугает неизведанностью, но и не манит ею. Будущее как бы утратило свои специфические черты и свернулось, обратилось в настоящее. Такое «псевдо-будущее-псевдо-настоящее» разочаровывает суррогатным проживанием будущего заранее. (Нередко ожидая какого-либо события, человек вытягивает из будущего все соки, и когда оно наступает, чувствует себя обманутым.)

Во-вторых, утрачена неопределенность будущего. Даже фиаско прогнозов расцениваются как отдельные досадные несовершенства работающей системы, в принципе устранимые. Чем это опасно? Дадим слово великоленному Ортеге-и-Гассету: «Эпохи свершений – и в их числе девятнадцатый век – в беспечном ослеплении не опасались будущего, приписав ему законы небесной механики. И либерализм прогрессистов, и социализм Маркса равно предполагали, что желаемый, а значит, наилучший вариант будущего осуществится неукоснительно, с почти астрономической предрешенностью. Видя в этой идее свое самооправдание, они выпускали из рук руль истории, теряли бдительность, утрачивали маневренность и везучесть. И жизнь, ускользнув от них, окончательно отбилась от рук и побрела, куда глаза глядят. Под личиной прогрессиста крылось равнодушие к будущему, неверие ни в какие внезапные перемены, загадки и превратности, убеждение, что мир движется по прямой, неуклонно и непреложно» [9, с. 65].

Мысль испанского философа как будто подхватывает К.Мангейм, анализируя целеустремленность политических групп. Те относятся к будущему так, «как будто они могут устранить сомнительность в становящемся и поэтому вызывающем сомнение, аподиктические предвидя будущее таким, каким они его желают видеть» [7, с. 363]. Для любой достигательски ориентированной деятельности, будь то политика или планирование поступления в вуз, такой подход сопряжен с серьезными рисками: «преимущество, связанное с ориентацией на представляющуюся желанной возможность, имеет, однако, тот недостаток, что в решающих ситуациях, когда ошибки могут оказаться очевидными, догматический политик уже не может изменить свою установку. Самокорригирование, необходимое в групповой деятельности, может быть совершенно лишь ценой тяжелых спадов и больших жертв» [7, с. 363]. Прямое и конкретное последствие – выхолащивание планов. «Недаром

кажется, – продолжает Ортега, – что в мире уже перевелись идеалы, предвидения и планы. Никого они не заботят» [9, с. 65]. И это было сказано в 1930 г., что же говорить о статусе предвидения и планов в наши дни!

Итак, мы имеем дело с неопределенностью будущего – то побежденной, то вновь заявляющей о себе. Какова же позиция человека, а точнее, современных молодых людей, жителей крупного города? Попытаемся ответить на этот вопрос, анализируя мини-сочинения учащихся четырех 11-х классов екатеринбургской гимназии. (71 сочинение на тему «Мое место в социуме»: мое жизненное кредо, как я вижу себя во взрослой жизни, написаны в течение урока в сентябре–октябре 2005 г. Имена изменены, в шифре первая буква означает пол, далее идет указание на класс и порядковый номер сочинения. Сделанные при анализе сочинений выводы в целом согласуются с полученными ранее и другими методами данными [4]).

Отношение к неопределенности будущего.

1. *Будущее как продолжение настоящего.* Стабильное общество предполагает устойчивые отношения между модусами времени, когда настоящее плавно перетекает в будущее. Будущее ведет себя смиренно, как потухший (или спящий?) вулкан. Сама его неопределенность подчиняется неким общим правилам, пронизывающим все социальное время [7]. На такой почве «рацио предвидения» укрепляется и расцветает до такой степени, что кажется единственно верным отношением к будущему.

Укрощенная неопределенность представляется податливым пластичным материалом. А если материал сопротивляется, то только раззадоривает полных сил «творцов истории». Каждое третье сочинение содержит упоминание трудностей. При этом их соотношение с собственными шансами калькулируется таким образом, чтобы извлечь активизирующий эффект: «Надо пробивать себе дорогу во взрослый мир. ... Я не собираюсь отказываться от своей цели из-за трудностей [с поступлением]. Наоборот, эти самые трудности меня подстегивают» (Ж11в47).

Такова активистская, с переходом в волонтаризм, модель П.Штомпки [17], вполне распространенная в настроениях наших школьников, она проявляется в культе целеустремленности и уверенности в себе: «В жизни я всего хочу добиваться сама, как бы ни было тяжело. ... И я знаю, я уверена, что у меня все получится в жизни. Я буду идти только вперед и ни шагу назад» (Ж11б2); «Я уверен в себе и считаю, что успех будет преследовать меня» (М11г25). Хотелось бы подчеркнуть, что наряду с несомненными достоинствами такой подход содержит и встроенную «бомбу замедленного действия». Поскольку общество сохраняет множество барьеров социального неравенства, постольку далеко не все и не всегда зависит от самого индивида. Возведенная в абсолют установка на собственный активизм чревата утратой гибкости и маневренности, а «самокорригирование», действительно, может обернуться тяжкими спадами и большими жертвами.

Португальский исследователь Хосе М. Пейс такой тип отношения к неопределенности будущего, когда в него смотрят, уверенные в «твердой почве под ногами» [1, р. 122], называет «атопизацией». В условиях быстроменяющегося общества атопизация сводит будущее к заурядности настоящего

го – «банализирует» его. Получается, что это и не будущее вовсе, а просто расширенное настоящее. Оно подлежит индивидуальному биографическому планированию, которое, однако, обусловлено предзаданной социальной матрицей жизненного пути. Одиннадцатиклассники – с энтузиазмом или без – прорабатывают ближайший статусный эпизод данной матрицы – поступление в вуз, иногда говорят и последующих (трудоустройство, карьера, семья, пр.).

2. «Будущее как иное» – это суверенное будущее, а не такое, которое ждет – не дождется, когда же придет царь природы и начнет его осваивать и эксплуатировать [15]. Суверенность конструируется благодаря признанию неопределенности как имманентной и неустранимой черты будущего. Но если не получается размахивать кувалдой (или засесть за сверхмощный компьютер, вынашивая планы всемирного господства, как изображают в импортных мультиках плохих ученых-гениев), легко может взять оторопь, ступор, «застравание» в настоящем. Неумение строить субъектные отношения с неопределенностью выливается в фатализм, свойственный и «мистике предсказания», и «рацио предвидения».

Х. Пейс нечто подобное называет «утопизацией будущего». Как всякая утопия, такое будущее в принципе не может осуществиться, оно убегает от нас, как горизонт, как бы мы ни продвигались к нему. При этом признается влияние «удивительного, неожиданного и нового, что означает также понимание его [будущего] запутанной, лабиринтообразной структуры» [1, p. 124]. Поскольку молодые люди заинтересованы в том, чтобы будущее оставалось максимально открытым, постольку они избегают любых шагов, которые могли бы изменить настоящее и таким образом внести определенность в будущее. Вместо этого они предпочитают до бесконечности растягивать настоящее – именно так Пейс интерпретирует эффект пролонгации молодости: они отсрочивают решения вступить в брак, принять на себя семейные обязанности и т.п. Когда возникает несколько рядоположенных вариантов, их прочитывают как конъюнкцию (и ... и), а не дизъюнкцию (или ... или), уходя таким образом от выбора. Сочинения наших старшеклассников также плетутся выражениями типа «поживем – увидим», «там видно будет». Но всегда ли это соответствует пассивной выжидательной позиции?

В условиях, когда неопределенность все более властно вторгается в нашу жизнь, сильная позиция действующего лица – субъектность – переносится в область настоящего. Применительно к старшеклассникам это опровергает «общее место» психологии развития про будущее как «аффективный центр ранней юности» (эта классическая в отечественной психологии фраза Л.И.Божович, сформулированная ею в 1968 г., до сих пор кочует из учебника в учебник [напр., 8; 12; 13]). Темпоральная доминанта настоящего становится способом справиться с неопределенностью будущего. В научном дискурсе распространена негативная оценка доминанты настоящего, что делает наше заявление весьма рискованным. Так, У.Бек в 1986 г. [3] ввел понятие «безбудущность», что перекликается с «будущим, которое не может наступить» Н.Лумана (1976) и развитием этих идей Х.Пейсом (2003). П.Штомпка считает фокус на настоящем презентизмом, который блокирует активность в от-

ношении будущего. Название нашумевшей книжки Т.Х.Эриксона «Тирания момента» [18] говорит само за себя. С точки зрения А.С.Панарина, за ориентацией на настоящее стоит корысть благоденствующих элит, заинтересованных в сохранении статуса-кво [11]. На наш взгляд, «реабилитировать» настоящее может эвристичность категории субъектность [4].

Субъектность проявляется в таких вещах, как целеполагание, готовность полагаться на свои силы и действовать. Проблема в том, что старшеклассники со своей целеустремленностью и самоуверенностью оказываются между двух крайностей. С одной стороны, бросается в глаза жесткость планирования (в основном – поступления в вуз), с другой, старшеклассники отдают дань неопределенности будущего, при этом пытаются застраховать себя от заведомо слабой, некомпетентной позиции, заявляя, что в принципе не гадают в будущее.

Визуальные отношения с будущим и субъектность.

Характерные для изучаемых школьных работ выражения «не заглядываю», «видно будет», «поживем – увидим» и т.п. представляют собой не что иное, как вербализацию визуального отношения к будущему: можно ли уже сейчас туда заглянуть и что-нибудь увидеть? В одном из четырех 11-х классов задание было сформулировано особым образом и содержало «двойную визуальную установку», которая задавалась, во-первых, самой темой «Как я вижу себя во взрослой жизни» и, во-вторых, просьбой нарисовать свое жизненное кредо. 10 информантов из 19 воспользовались в своих сочинениях словами «вижу» / «не вижу», предложенной формулировкой темы.

Из этих 10 двое категорически не видят себя в будущем. «Я не вижу себя в будущем. Я живу сегодняшним днем. Я не могу представить себя старым. Я никогда не загадывал наперед. Возможно, я стану архитектором. Может быть, музыкантом, а может, в армию загребут», – пишет Игорь (M11a68). «Я никак себя не вижу во взрослой жизни. Я вообще не заглядываю в будущее. Я планирую только ближайшие предстоящие дни», – вторит ему Дмитрий (M11a61). Как и в рассуждении Игоря, «не вижу» у него соседствует с «не заглядываю» / «не загадываю». Большое количество упоминаний личного местоимения «я», казалось бы, свидетельствует о субъектности информантов. Однако добрая половина этих «я» идет в связке с отрицательной частицей «не». В высказывании Игоря трижды фигурируют вероятностные «возможно», «может», а в конце появляется указание на безличное обстоятельство явно вне зоны субъектности молодого человека («в армию загребут»). От планирования никуда не деться – «тяжкое» наследие эпохи / культуры рационализма. Но для Дмитрия это вынужденное планирование и он стремится его минимизировать. Сочинение Игоря представляет яркий пример утопизации: называются некие точки из будущего, связь которых с настоящим принципиально не проговаривается. Таким образом, они выталкиваются за пределы темпоральной субъектности. Не-видение и не-загадывание освобождают наших героев от ответственности за выбор, который и делает будущее. Такое отношение можно назвать «утопическим пофигизмом».

По критерию отказа от ответственности (который скрывается за заклиниванием «не загадываю» / «не заглядываю») к этой компании примыкает еще один типаж – «перестраховочный реализм». Его представит Алла: «Вся жизнь человека состоит из постоянных выборов. Очень часто бывает тяжело определиться, но такова жизнь и все через это проходят. ...В выборе вуза я советуюсь с родителями, так как считаю, что такой ответственный выбор я не в состоянии решить сама. ...Сама я собираюсь поступать в УрГЭУ (СИНХ) на финансовый факультет и иметь специальность финансы и кредит. Моя главная цель на данный момент – получить высшее образование. А дальнейшую жизнь я не загадываю. Все может еще много раз измениться» (Ж11г22).

Жизнь сложна, и Алла трезво смотрит на нее, находя способы (в приведенной фразе – дважды) снимать с себя ответственность. Сначала оправданием служит общее устройство «жизни человека», в силу чего «все проходит» через мытарства выбора. Затем, и это выход для нее, девушка делит ответственность с родителями. Показательны слова «сама я», которые как бы отделяют информантку от некоей общей ситуации: вот «все» – а вот «сама я». Не избежать ассоциации с мотивом «сами мы не местные», который устанавливает дистанцию с понижением автора высказывания относительно адресата. Однако в нашем случае, похоже, наоборот, с этих слов субъектность начинает возрастать. Поначалу почти полностью растворенная в других и в родителях, теперь субъектность набирает обороты за счет плана, в котором определен и вуз, и специальность, и «главная цель». Именно определенность представляет проблему и ценность, и она достигнута «на данный момент» – то есть в настоящем.

Будущее весьма приземленно и рационалистично выстраивается из настоящего. Рационализм и пассивность роднят и «пофигизм», и «реализм» с «рацио предвидения». Вместе они составляют характеристики малосубъектного (или, если угодно, бессубъектного) отношения к будущему. Сущность темпоральной компетентности здесь – перестраховка.

Рассмотрим теперь (более) субъектное отношение. В 8 случаях отзеркаливания темы из 10 молодые люди *видят* себя в будущем. Это ни в коем случае не означает ликвидации его неопределенности. По крайней мере в 4 из этих 8 сочинений «не» фигурирует во все тех же «не заглядываю» / «не загадываю», как, например, у Аси: «Я не заглядываю далеко в будущее, и не загадываю ничего. Я стараюсь построить надежную опору сейчас, и занимаюсь этим насколько возможно. Если у меня все получится, то я вижу себя с надежной профессией, я вижу себя мамой своего ребенка (или детей). Вижу себя спортсменкой (возможно). Я буду стараться добиваться своей цели. Создавать свое будущее нужно сейчас, потом будет уже поздно» (Ж11а54). Интересно посчитать: две частицы «не» плюс два «возможно», двойное «стараться» и одно «если» (всего 7) говорят о том, как автор пасует перед неопределенностью будущего, или, по меньшей мере, почтительно склоняет голову. Маркеры активной субъектности – три «вижу» и пять «я» (уже 8). На эту же чашу весов следует положить и выразительную лексику деятельного, созидательного и основательного отношения к своему будущему: в основном

это глаголы («построить», «занимаюсь», «добиваться», «создавать»), но также и прилагательные («надежная», «своя»). В результате получается весомый перевес в пользу субъектности.

«Вижу» относится к достаточно отдаленному будущему, что само по себе является хорошим знаком – показателем сильной позиции индивида. Есть сочинение, в котором видение будущего простирается аж до пенсионного возраста: «ближе к пенсии буду писать докторскую диссертацию и преподавать в академии» (М11а67)! Кроме того, это означает, что доминанта настоящего не отвергает работы с будущим, вот только темпоральная компетентность, которая бы их гармонично сочетала, еще (или вообще) не имеет готовых рецептов. Поэтому сколь бы ни были отчетливы и даже возведены в ранг «*своих целей*» образы будущего, то и дело возникают вездесущие «не заглядываю».

Принципиальное различие обусловлено тем, кто / что наделяется полномочиями позитивного деятеля. В отсутствие субъектности таковым оказывается будущее, а человек остается избегать взаимодействия с ним и ответственности за выбор. Субъектная позиция вскрывает саму суть социального времени – это время, которое делается людьми, именно люди в их социальной жизнедеятельности – причина времени (постановка вопроса о причине времени, как и методология ответа, принадлежат Г.П.Аксенову [2]).

В рассуждениях молодых людей вырисовывается образ будущего, которое не просто суверенно, но своевольно и даже коварно. Активность будущего проявляется в: а) изменчивости («*все изменится*»), б) вероятностной природе (многократные «*может*»), в) внезапности («*в любой момент*») вероятностной реальности. Все это исключает тотальное самоуверенное прогнозирование, но отнюдь не исключает сильной позиции человека – его темпоральной субъектности. Сила в данном случае обеспечивается отнюдь не жесткостью, но гибкостью во владении темпоральными режимами, которые включают как уверенность в себе, так и признание неопределенности, как планирование, так и мечты.

Библиографический список

1. Pais J.M. The Multiple Faces of the Future in the Labyrinth of Life // Journal of Youth Studies. 2003. Vol. 6. № 2.
2. Аксенов Г.П. Причина времени. М., 2001.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М., 2000.
4. Веселкова Н.В., Прямокова Е.В. Социальная компетентность взросления. Екатеринбург, 2005.
5. Гюйо М. Происхождение идеи времени. СПб., 1899. Т. 1.
6. Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. СПб., 2004.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М., 1994.
8. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: Учеб. М., 2006.
9. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. М., 2000.
10. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.
11. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. Учеб. М., 2002.

12. Практическая психология образования: Учеб. пособие / Под ред. И.В.Дубровиной. СПб., 2004.
13. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб., 2003.
14. Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М., 2004.
15. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
16. Франция – память / Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М.; Пер. с фр. СПб., 1999.
17. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польского. М., 2005.
18. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / Пер. с норв. М., 2003.

Н.Н.Долгополова

КОРРЕКЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ЦЕНТРА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ

Нестабильность социально-политической, экономической обстановки; ослабление роли семьи, учебных заведений в воспитании детей и подростков привели к всплеску преступности, наркомании, проституции. Особенно трудно в этот период оказалось подрастающему поколению. Среди молодежи усилился нигилизм, демонстративное и вызывающее по отношению к взрослым поведение, чаще и в крайних формах стали проявляться жестокость и агрессивность. Возросло число подростков, которые нигде не учатся и не работают. Уже это свидетельствует, что сегодня особенно подростки нуждаются в помощи квалифицированных специалистов.

Подростковый возраст труден как для взрослых, так и для самих подростков. Этот возраст сам по себе ведет к различным, хотя и временным проявлениям дезадаптации. Социальная дезадаптация может быть вызвана причинами как внешнего, так и внутреннего характера.

Мы, специалисты по социальной работе Магнитогорского Центра психолого-педагогической помощи населению, помогаем подросткам и их родителям информационно-просветительской работой. В Центре с ними проводится индивидуальная работа с психологом, тестирование, психодиагностическая работа, психокоррекционные тренинги. Для подростков, проживающих в общежитии Профессионального училища № 90, на протяжении нескольких лет проводятся часы общения «Познай себя». Цель этой работы – подготовить юношей и девушек к вступлению во взрослую жизнь, помочь каждому подростку осознать себя как личность. Тематический план занятий разработан с учетом пожеланий самих подростков. Занятия проводятся в течение учебного года, два раза в месяц на базе Центра и в общежитии. Формы работы самые разнообразные: лекции, беседы, диспуты, психологические игры, просмотр и обсуждение видеоматериалов, тестирование.